

Первая конференция на Пике Уцзянь была торжественно открыта.

Тема: «Устранение».

Ху Суй находился на другом конце океана и подключился к собранию через видеосвязь. Однако с удивлением обнаружил, что он последний, кто узнал правду, и едва не сорвался, собираясь вернуться и потребовать объяснений у второго старшего брата.

Хэ Цзиньнянь пояснил:

- Шизун доверил это дело мне, потому что не видел другого выхода. В то время... никто не верил в старшего брата, никто не хотел его спасти. Только мы, те, кто провел с ним годы бок о бок, знали его натуру и могли понять, что произошло.

Это было одновременно отвратительно и абсурдно.

После того как они покинули Пик Уцзянь, их обоих ждали долгие дни насмешек и издевательств. Хэ Цзиньнянь, человек безупречного характера, сумел быстро преодолеть трудности, благодаря строгим правилам на горе Ву Юань-сяньцзюня. Он держался скромно, упорно тренировался и вскоре избавился от неприятностей. Ху Суй же, будучи избалованным с детства и не понимая тонкостей человеческих отношений, а также обладая внешностью, притягивающей внимание, часто становился жертвой издевательств со стороны демонических культиваторов. Его дразнили, унижали, и он переносил много страданий. Полный обиды, он винил во всем Мо Чанкуна...

Когда Хэ Цзиньнянь еще не был достаточно силен, он опасался, что зачинщики догадаются о его расследовании. Поэтому, под предлогом спасения шизуна, он занимался расследованиями, никогда не опровергал грязные слухи о Мо Чанкуне и не рассказывал Ху Сую правду. Он боялся, что этот неуклюжий лис, будучи молодым и беспечным, раскроет важные сведения. Поэтому Ху Суй получал только часть поручений.

Например, искать шизуна в мире людей, скупать старые дома или добывать информацию и материалы...

После объяснений Хэ Цзиньняня, Ху Суй почувствовал смятение и гнев, но возразить было нечего.

Когда все споры утихли, Лу Юньчжэнь начал председательствовать на собрании. Первым вопросом стало устранение демона сердца Мо Чанкуна.

- Я видел записи о демоне сердца, но они не слишком подробны, — Ху Суй, лис из клана Цинцю, родоначальников иллюзорной магии, смог достичь уровня великого демона исключительно благодаря своему природному дару и тяжелому труду. Ему также помогла

Богиня Цзиньлин, которая позволила ему учиться у старейшин Цинцю. Благодаря этому он многое узнал, - Однажды одна лиса из Цинцю попала под подобное заклинание. Сердечный демон был под контролем, и лиса стала игрушкой, неспособной освободиться, и в итоге погибла.

Это был случай из книги «Сто правил безопасности клана Цинцю», где приводятся жуткие, но реальные истории, чтобы предостеречь молодое поколение. Им говорили: остерегайтесь плохих людей, которые играют на чувствах, и не попадайте в их ловушки.

Ху Суй пытался вспомнить:

- Это крайне редкая магия, присущая только одному роду. Когда ту лису спасли, она уже сошла с ума, так что улик осталось немного. Единственное, что известно наверняка, — сначала должен быть сердечный демон, а затем уже им можно управлять и заманить в ловушку.

Мо Чанкун сказал:

- Сердечный демон уже существует, и его не убить.

Его сердечный демон — это сам шизун. Когда демон появляется, его сознание становится хаотичным, и он не может различить, кто с ним разговаривает. Только после многочисленных размышлений в Чистилище Мо Чанкун понял, что некоторые из слов и действий, которые он считал исходящими от шизуна, были ложью.

Сумбурные мысли он мог подавлять с помощью цепей на запястьях, полностью отказываясь от них. Но бедствие на пике Яньшань также было спровоцировано сердечным демоном, что делало ситуацию еще более опасной...

Человеческая психотерапия ему ничем не помогла.

— Ты не можешь различить, говорю ли я это сам? — Лу Юньчжэнь задумался на мгновение и предложил, — Можешь задавать мне вопросы, проверять пароль, чтобы подтвердить подлинность.

Мо Чанкун покачал головой:

— Я пробовал. Сердечный демон может считывать мои воспоминания и давать правильные ответы. А если я спрошу шизуна о чем-то, чего даже сам не знаю, то не смогу судить, прав он или нет.

Шизун обучил его всему: и искусству владения мечом, и методам культивации, и заклинаниям. Пароли лишь запутывали его разум, и даже в борьбе с иллюзией он не мог отличить истину от обмана.

— Это проще простого! Ты просто слишком заостенел в своих мыслях, не идешь в ногу со временем, — Лу Юньчжэнь, заметив, как все погрузились в размышления, рассмеялся, — Мы живем в мире информационного взрыва. Я ведь студент, столько всего знаю...

Мо Чанкун растерянно посмотрел на шизуна. Тот достал из рюкзака три книги и бережно передал их тому в руки. На обложках были написаны названия: «Применение компьютерных сетей», «Программирование на языке Си» и «Структуры данных».

— Храни это в пространственном мешке, не открывай, — велел Лу Юньчжэнь. — Если почувствуешь что-то неладное, просто открой на любой странице и задай мне пару вопросов. Сначала спроси меня, а затем проверь ответ.

Он усердно изучал эти материалы и знал их наизусть.

Лу Юньчжэнь со злорадной усмешкой добавил:

— Пусть эта тварь попробует разобраться в компьютерах! Каждую неделю буду давать ему новые задачи. Придумаю для Чанкуна карточки с вопросами: с одной стороны — вопрос, с другой — ответ. Это будут вопросы по иностранным языкам, высшей математике, онлайн-играм, фильмам и сериалам, аниме, песням. Пусть все изучает — разорву его!

Ху Суй так развеселился, что едва мог дышать от смеха, пообещав помочь шизуну составлять вопросы и предложив добавить задачки на смекалку и сплетни о знаменитостях, чтобы сделать из этого игру в викторину.

Заговорщик был жив уже тысячи лет. Если он еще существовал, то был или могущественным демоном, или бессмертным владыкой. Подобные ему, хитрые интриганы, погруженные в свои расчеты, вряд ли интересовались развлечениями молодежи или развитием технологий, не говоря уже о культуре фаст-фуда.

Мо Чанкун, поняв это, ощутил огромное облегчение. Он мрачно заявил:

— Если не сможет ответить — значит, это не настоящий шизун. Я его прикончу!

Лу Юньчжэнь: «...»

Он решил досконально выучить все вопросы и ответы, ведь если ошибется и попадет под руку собственного ученика, это будет крайне унижительно.

Другие страдания, вызванные сердечным демоном, главным образом касались неудовлетворенных желаний, душевной тревоги и бессонницы. Мо Чанкун твердо заявил, что его сила воли достаточно велика, чтобы вынести это.

Хэ Цзиньнянь предложил ему несколько новых лекарств из мира бессмертных. Их эффект был лучше, чем у древней пилюли спокойствия и прозрения «Цзысинь цзинь дань». Ху Суй предложил попробовать сильнодействующие человеческие транквилизаторы, добавив, что у него есть возможность достать ветеринарные версии препаратов, используемых в больших дозах, которые очень хвалили представители расы демонов.

После бурного обсуждения все выработали несколько стратегий и временно решили проблему Мо Чанкуна. Теперь оставалось только выяснить, кто был настоящим преступником.

— У меня есть подозреваемые, но нет доказательств, — Хэ Цзиньнянь был педантичен и не любил выносить поспешные обвинения. — Я собираюсь вернуться в мир бессмертных и тщательно расследовать события после бедствия на Яньшане. Особенно меня интересуют те, кто извлек выгоду из этого. Когда я определю направление, то попрошу Богиню Цзиньлинь использовать Зеркало созерцания.

Зеркало созерцания позволяло видеть события в определенное время и в определенном месте. Если объяснить это современными терминами, оно было похоже на видеонаблюдение, только длительность одного сеанса не превышала двух часов. Использование его было дорогостоящим, и нельзя было применять его бездумно. Сначала нужно было найти зацепки, чтобы понять, что именно искать. Однажды он уже проверял изображение того, как Мо Чанкун разрубал горную гряду. Оно совпадало с приговором Небесного Пути, и не было никакой возможности опровергнуть это.

Богиня Цзиньлинь связана законами Неба и Земли. Она не может раскрыть истину, а также не вправе вмешиваться в судьбу, но однажды дала тонкий намек. Она сказала: «Верьте Юньчжэню». После этих слов она снова погрузилась в тысячелетнюю медитацию.

Все решили, что она имела в виду Юньчжэнь-сяньцзюня, который был известен своей негибимой волей, закаленной через многочисленные испытания. Все считали, что однажды он избавится от всех иллюзий и снова поднимется в мир бессмертных.

- Что? Подождите, - вдруг воскликнул Ху Суй, - Тогда служанка Богини Цзиньлинь тайно сообщила мне, что она раскрыла тайну небес и была ранена. Ей нужно было восстановиться, и она не могла заниматься ничем другим, так что попросила меня быть внимательнее.

Хэ Цзиньнянь рассердился:

- Такое важное дело, и ты мне не сказал?!

- Богини Цзиньлинь не было, и меня все обижали! Я был вынужден выполнять грязную работу, ухаживать за людьми. Едва нашел покровителя, на первый взгляд порядочного мужчину... но тот хотел двойного совершенствования со мной, - Ху Суй опустил уши и выглядел ужасно обиженным. Он как раз вступил в зрелый возраст, его испорченная натура взяла верх, и он вел себя легкомысленно, играя с чувствами окружающих. Хэ Цзиньнянь, видя его, всегда ругался, и Ху Суй, как маленькая лисица, уклонялся от свирепого тигра, не задумываясь о

последствиях, - Откуда мне было знать, что это важно? Я подумал, что она просто напоминает мне быть осторожным.

Хэ Цзиньнянь был готов прибить этого глупого лиса. Наконец, ему стало ясно:

- Ранение Богини Цзиньлинь тоже было частью намека. Она была наказана небесами за четыре слова... Это значит, что решение шизуна было верным. Спасение Мо Чанкуна, его закалка в смертном мире — все это важно и связано с судьбой мира. Мы должны поддержать его.

Лу Юньчжэнь с улыбкой утешил его:

- Она сказала это Ху Сую, потому что знала, что он беспечный и не придаст этому значения. Так она избежала подозрений истинного виновника, а следы оставила на будущее, чтобы мы могли распутать все позже.

Если Богиня Цзиньлинь приложила столько усилий, чтобы тонко предупредить друзей, это точно было к добру.

С этим выводом...

У всех появилось еще больше уверенности в том, чтобы разделаться с врагом.

Мо Чанкун был одним из сильнейших бойцов трех миров. Единственный способ, каким настоящий злодей мог его уничтожить, — это снова овладеть его сердечным демоном, заставив его вновь ошибиться, впасть в безумие и самоуничтожиться.

Чтобы вырваться из колеса перерождений, Лу Юньчжэню нужно было собрать множество заслуг. Этот известный секрет был самой удобной точкой для манипуляций. Враг был терпелив и осторожен, и если бы он нанес удар, то точно спрятал бы его в каком-нибудь деле.

Для мечника первым шагом в поединке было выработать свою стратегию, чтобы затем разбить вражеский замысел. В этот раз все были готовы к атакам из-за кулис, их не пугали трюки врага. Единственное, чего они боялись, — это того, что он решит ничего не предпринимать.

Ху Суй торопливо прервал видеозвонок, сказав, что ему нужно поскорее закончить съемки рекламы и вернуться, чтобы помочь. Мо Чанкун заявил, что хочет взглянуть на структуру школы Ицзянь и добавить несколько защитных формаций.

Лу Юньчжэнь остался, чтобы убрать в доме.

Хэ Цзиньнянь задал вопрос:

- Шизун, что вы хотите спросить?

Лу Юньчжэнь взглянул на второго ученика, помогавшего ему, и, поколебавшись, заговорил:

- Чанкун совершил ту ошибку по отношению ко мне, не так ли...

Хэ Цзиньнянь промолчал.

- Ладно, узел слишком туго завязан, будем лечить его постепенно, — Лу Юньчжэнь, увидев его выражение, сразу все понял и с улыбкой добавил, - Я не спешу. Когда Чанкун поправится, все заживем по-человечески...

...

Стоя под карнизом, Лу Юньчжэнь издали увидел Мо Чанкуна, который стоял под османтусом у пруда с промокшим фонариком в виде зайца в руках... и пристально смотрит на юного ученика мечника.

Мальчику, видимо, было около пяти лет, он только недавно вступил в школу. У него от природы был дар видеть духов, и он, пользуясь тем, что учителя были заняты переписыванием текстов в качестве наказания, сбежал поиграть, но внезапно испугался зловещего вида старшего наставника, приняв его за чудовище, и, зарыдав, замер на месте.

Сцена выглядела как будто старший нарочно запугивает малыша.

Мо Чанкун, как обычно, не стал объясняться, бросил мальчику найденный фонарик и повернулся, чтобы уйти. Пройдя несколько шагов, он вдруг замер, оглянулся, взглянул на этого проблемного человечка и, борясь с собой, наконец впервые в жизни решился присесть, копируя манеру своего учителя, когда тот уговаривал А-Суя, и, неловко пытаясь его утешить, скорчил гримасу:

- Не плачь.

Этот жест... напоминал сцены из фильмов, где особенно красивый серийный убийца или темный владыка мира демонстрирует свою злодейскую сущность, готовясь съесть ребенка...

Мальчик испугался до такой степени, что перестал двигаться и разрыдался еще сильнее.

Мо Чанкун растерялся, не понимая, где совершил ошибку.

Лу Юньчжэнь наблюдал за этим с удовольствием, намереваясь вмешаться, но потом

передумал. Ведь это редкий случай, когда ученик пытается измениться, преодолеть свои внутренние барьеры и сблизиться с людьми — нужно наблюдать!

Он с интересом продолжил подглядывать...

Но, к сожалению, Мо Чанкун уже потерял надежду. Опасаясь, что шизун узнает и устроит разбирательство, он схватил маленького мечника, взмыл в небо на мече, сделал несколько крутых виражей, от которых у ребенка закружилась голова, и, когда слезы иссякли, поставил его на землю, строго предупредив:

- Никому ни слова!

Это был его старый проверенный способ справляться с надоедливыми детьми — большинство из них после такого пугались настолько, что не решались пожаловаться взрослым.

Юный мечник действительно был в полной растерянности...

Мо Чанкун бросил его и скрылся, усевшись под карнизом галереи, уставившись в небо, явно задумавшись о чем-то своем. В лазурном небе плавала лишь одна белоснежная тучка. Лу Юньчжэнь, улыбаясь, подошел и сел рядом с ним, плечо к плечу, ноги к ногам, молча наслаждаясь видом. В этом древнем клане везде были отпечатки истории, каждая деталь была наполнена тихой нежностью, и вдруг ему пришло в голову, что некогда и Пик Уцзянь выглядел точно так же.

Это была их жизнь...

Зимнее солнце нежно согревало, и тело наполнялось приятным ощущением тепла.

Лу Юньчжэнь потянулся, лениво прислонившись к плечу Мо Чанкуна, словно использовал его в качестве подушки. Пару раз потерся, устраиваясь поудобнее, и со вздохом удовольствия начал клевать носом. Такое ощущение, что он уже проделывал это множество раз — движения были на удивление отработаны.

Тело Мо Чанкуна слегка напряглось. Он достал книгу из своего пространственного мешка, наугад открыл страницу и с серьезным видом задал вопрос:

— Шизун, что такое контроль ошибок?

Лу Юньчжэнь едва сдержал смех:

— Использовать кодирование для управления ошибками, чтобы гарантировать, что полученные данные будут полными и точными...

Мо Чанкун снова взглянул на книгу, долго всматривался в текст, но так и не смог понять смысл. Однако, он убедился, что то, что сказал его шизун, действительно было написано. Внезапно напряжение, сковывавшее его сердце, отпустило. Его брови разгладились, и уголки губ слегка приподнялись в теплой улыбке. Он протянул руку и слегка потрепал юношу по взъерошенным волосам, наслаждаясь этим редким моментом счастья.

Вдруг из глубины коридора робко высунулась маленькая головка — это был молодой мечник, который долго наблюдал издалека. Наконец набравшись храбрости, он подбежал к Мо Чанкуну, держа в руках большой персик, и с волнением сунул его ему в руку:

— Цзушибо (дядя-предок), спасибо, что помогли мне достать кроличий фонарик и покатались со мной на американских горках...

Только перестав плакать, мальчик понял, что цзушибо добрый человек. В парке развлечений его не пустили на американские горки, сказав, что он недостаточно высок, и даже его старший брат запретил ему кататься. Но цзушибо тайком взял его полетать на мече — это было намного более захватывающим, чем горки!

— Персик тебе, а в следующий раз снова покатаешь меня? — с надеждой спросил маленький мечник.

Мо Чанкун, смущенный его сияющим взглядом, не знал, как поступить с ребенком. Он заметил, что шизун украдкой смеется, не собираясь ему помогать. Подумав немного, он с трудом кивнул:

— Хорошо.

Маленький мечник радостно убежал.

Мо Чанкун смотрел на персик, погруженный в раздумья.

— Есть персики летом, и есть персики зимой, мир изменился, люди изменились, — мягко произнес Лу Юньчжэнь, откинув черную прядь волос Мо Чанкуна за ухо и погладив метку, выжженную на его лице, — Законы изменились, общество изменилось, нравы изменились, мысли изменились, но сладкий персик все такой же вкусный.

Он посмотрел на Мо Чанкуна, продолжая:

— Люди уже не так глупы, они умны настолько, что могут достигать луны. Чанкун, люди не такие сложные. Постепенно... когда они увидят настоящего тебя, ты сможешь по-настоящему увидеть их сердца.

Мо Чанкун не ответил. Он молча опустил голову и откусил кусочек персика. Сладкий вкус

приятно разлился по рту. Он достал меч, разрезал персик и поделился им со своим шизуном.

Лу Юньчжэнь взял половину персика и улыбнулся.

Белые облака медленно плыли по небу. Мир изменился, люди изменились, законы изменились, но персик все еще оставался сладким.

Они могли начать все заново.

На этот раз он не допустит ошибок.

...

Вдруг зазвонил телефон.

Лу Юньчжэнь лениво потянулся, поднялся и достал мобильный. На экране высветилось имя Ло Сяопана. Он нажал на ответ и невозмутимо спросил:

— Внук, как тебе каникулы?

На другом конце провода раздались всхлипы Ло Сяопана:

— Юньчжэнь, я умираю.

<http://bllate.org/book/13607/1206745>